

АЛОИЗИУС БЕРТРАН

Перевод с французского К. АФАНАСЬЕВА

Излюбленный персонаж романтических книг — бедный, не понятый миром и до срока из него ушедший поэт — имел, увы, немало подлинных прототипов. К их печальному перечню друзей Алоизиуса Бертрана добавляли и его имя. Когда в 1842 году, через год после смерти Бертрана, его единственное сочинение наконец появилось в печати, это было скорее данью памяти поэта, чем признанием литературной ценности самого текста. Лишь два десятилетия спустя Бодлер назвал книгу Бертрана моделью своих «Стихотворений в прозе». А для нынешних историков литературы не подлежит сомнению, что Бертран оказался создателем нового жанра — стихотворения в прозе.

Бертран был сыном французского офицера и итальянки. Мальчика, родившегося в 1807 году в маленьком городке на севере Италии, называли вполне в духе времени — Луи Жаком Наполеоном. В 1815 году семья переехала во Францию, в Дижон, старинную столицу Бургундии. По городу в те годы расхаживали уже не надменные рыцари, вассалы своенравных и воинственных герцогов Бургундских, а мирные нотариусы и виноделы. Но улочки оставались по-средневековому тесны, над ними возвышались мрачные башни герцогского замка и колокольни готических церквей, в библиотеке Дижона украшенные искусными миниатюрами рукописные хроники и старые книги бесхитростно рассказывали о кровавых битвах, злодеяниях и подвигах веры, и крестьяне из окрестных сел еще встречали на полянах лесных духов и фей, а в ручьях проказничали водяные. Для юного Луи Бертрана живописное прошлое было второй и, может быть, более подлинной реальностью, он переживал его как собственную жизнь. Даже именовать себя он для точности самоощущения предпочитал на старинный лад — Людовиком или, чаще, Алоизиусом.

Все это как нельзя лучше отвечало новым, с боем прокладывавшим себе дорогу романтическим вкусам. Газета «Провинциал», которую редактировал двадцатилетний Алоизиус Бертран вместе со своим другом, поэтом Шарлем Брюньо, просуществовала всего несколько месяцев — в редакции не было согласия по многим вопросам. Но на одном «Провинциал» стоял твердо: на утверждении романтических идей, на защите доходивших из Парижа и из-за границы образцов романтической литературы. Молодые редакторы публикуют в газете и свои опыты в этом роде. Среди них — подборка текстов Бертрана с многозначительным названием «Романтические бамбочады» (слово «бамбочада» заимствовано из лексикона живописи, оно означает жанровую сценку, картинку из народной жизни). Это наброски его будущей книги. Деятельность «Провинциала» была замечена в столице, вожди новой школы, Нодье и Гюго, послали Бертрану лестные письма. Ободренный ими, Бертран в конце 1828 года, после краха «Провинциала» и смерти отца, отправляется в Париж. Его радушно встречают в оживленных литературных салонах, у Нодье и Гюго, он знакомится с Сент-Бёвом

и скульптором Давидом д'Анже. Впрочем, появляется он на этих блестящих собраниях нерегулярно, порой надолго исчезает. Причиной тому отчасти неровность нрава, угловатая застенчивость и гордыня. «Оказать ему услугу было не так-то просто», — замечает Сент-Бёв. Но есть и более прозаическое объяснение: окровавленная нищета, фрак, потертый до неприличия, дырявые башмаки.

Бертран возвращается в Дижон весной 1830 года, за три месяца до Июльской революции. Он снова пробует заняться журналистикой, сотрудничает в местной либеральной газете; пытается счастья в театре, но его пьеса проваливается; задуманный обширный роман из истории Бургундии остается ненаписанным. Зато когда через несколько лет он снова приезжает в Париж, другая его книга практически готова. Он приносит рукопись Сент-Бёву; тот договаривается о ней с издателем, и Бертран даже получает аванс — 150 франков! Но с публикацией рукописи издатель не спешит, объясняя задержку поисками подходящих заставок, виньеток и проч. Через пять лет, когда Бертран уже исмучен от чахотки на больничной койке, книга так и не была издана Единственным, кто навещал Бертрана в больнице и шел за его гробом, был Давид д'Анже. Он и добился в конце концов от издателя согласия печатать рукопись, а от Сент-Бёва — обещанного давным-давно предисловия.

Книга называлась «Ночной Гаспар. Фантазии в духе Рембрандта и Калло». Как явствует из пролога, Ночной Гаспар, таинственный автор «Фантазий», — не кто иной, как сам дьявол. Дьявол у Бертрана, впрочем, окутан не клубами серного адского дыма, а легким облаком прихотливого воображения. Это скорее неприкаянный изгой, собрат по злосчастной поэтической судьбе. «Фантазии» Ночного Гаспара содержат шесть циклов: «Фламандская школа», «Старый Париж», «Ночь и ее чары», «Хроники», «Испания и Италия», «Сильвы» — и еще один раздел, куда вошли стихотворения, не распределенные самим Бертраном по циклам. Лирические миниатюры, составившие книгу, — как бы моментальные зарисовки, воскрешающие нравы, поверья, обычаи средневековой Европы, облик, звуки и запахи ее городов, ее умелых ремесленников, неунывающих простолюдинов, оборванных школяров, одержимых алхимиков, нежных дам, галантных кавалеров, бесшабашных разбойников, могущественных сеньоров, унди и саламандр, арлекинов и пьеро. Рядом с сюжетами, навеянными подлинными событиями истории или народными преданиями, — порожденные авторским вымыслом образы вроде злого карлика-вампира Скэрбо. При всей их красочной изобразительности эти стихотворения отнюдь не застывшие «живые картины». В заглавие «Ночного Гаспара» недаром вынесены два имени — Рембрандта и Калло. Рембрандт для Бертрана — символ возвышенной красоты и всепроникающей мудрости. От гротескных рисунков Калло напротив, дух озорной насмешки, а порой и тревожное предчувствие зловещего оборота событий. Эти два начала соседствуют и борются на протяжении всей книги и в пределах каждого стихотворения. Так возникает ощущение своеобразной подвижности жизни, так дается возможность несхожим ее ликам войти в книгу на равных правах.

Известная доля стилизаторского любования предметом, присущая Бертрану, не сковывает свободной смены настроений, оставляет достаточно простора для причудливой игры фантазии. Впрочем, подчиняться произволу душевных порывов Бертран не склонен. Ему свойственно редкое для романтиков стремление к строгому самоограничению, забота об экономии средств, тщательно продуманной краткости, делающей особо весомым каждое слово, наполняющей многозначительностью паузу, заставляющей разгадывать недосказанное. Поэтическая техника, к которой прибегает Бертран, свидетельствует о его попытке воплотить заветную мечту романтиков о слиянии искусств — слова, музыки, живописи. Миниатюры «Ночного Гаспара», наподобие стихотворных баллад, делятся на строфы, подчеркнутые либо параллельными синтаксическими построениями, либо словесными повторами. Иной раз они как бы «прокладываются» припевом («Охота»); иногда стройность всей конструкции придает возвращение в последней строфе к образам начала стихотворения («Лейденский школяр»). Внутреннее строение строфы держится на ритмизации прозы, то четкой, то лишь слегка намеченной. Точно отработанная звукопись придает фразам музыкальность. Архаические обороты и иноземные реалии свободно вкраплены в текст, не замутняя его прозрачности.

Со временем французское стихотворение в прозе утратило многие приметы, которыми наделил его при рождении Бертран: интерес к пластическим эффектам, повествовательность, пусть даже чуть обозначенную. Оно обрело большую лирическую напряженность, большую гибкость формы. Но самому жанру было суждено прочно утвердиться во французской поэзии; к нему вслед за Бодлером обращались крупнейшие ее мастера — от Рембо до Элюара.

ЮЛИЯ ГИНЗБУРГ

Рисунок Калло

Из книги «Ночной Гаспар.
Фантазии в духе
Рембрандта и Калло»

I

Харлем¹

Как в Амстердаме петух золотой запоет,
Золотая курочка в Харлеме яйцо снесет.

«Центурии» Нострадамуса²

Харлем! — да ведь это чудесная бамбочада, и в ней вся фламандская школа: Ян Брейгель, Питер Неф, Давид Тенирс, Рембрандт писали Харлем,

¹ Город в Нидерландах (здесь и далее прим. перев.).

² Нострадамус (иначе — Нотрдам) Мишель (1503—1566) — французский врач и астролог, автор книги, содержащей разного рода предсказания, «Центурии» (то есть «Сотни»), названной так потому, что книга была разделена на главы, содержащие по сто рифмованных четверостиший в каждой.

И канал, где дрожит голубая вода, и церковь, где пылает золотистый витраж, и балкон из тесаного камня, где сушится на солнце белье, и крыши, увитые зеленым хмелем,

И аисты, что хлопают крыльями у башенных часов и, вытягивая шей, ловят клювами капли дождя,

И беспечный бургомистр, который поглаживает двойной подбородок, и одержимый цветовод, что сохнет, не сводя взора с тюльпана, и цыганка, что млеет над мандолиной, и старик, наигрывающий на роммельпоте¹, и мальчишка, который надувает пузырь,

И пьянчуги, дымящие трубками в подозрительном трактире, и служанка в гостинице, которая подвешивает к окну битого фазана.

II

Каменщик

Мастер-каменщик: Посмотрите на эти бастионы и на устои — разве не скажешь, что поставлены они на вечные времена.

Шиллер. «Вильгельм Телль»²

Каменщик Абрахам Кнупфер напевает с мастерком в руке и, взгромоздясь на леса, разбирает готические стихи на колоколе, а у ног его расprostерты и храм о тридцати устоях, и град о тридцати церквах.

Он видит, как изрыгают каменные пасти тарасков³ воду, сбегаящую с шиферных крыш в темный провал, где сгрудились галереи, окна и своды, кровли башенки, колокольни и леса, а над ними темнеет неподвижным серым пятном крутой выгиб соколя крыла.

Он видит распластанные на земле звездой крепостные стены, цитадель, что выпирает чванливо, точно начинка из пирога, дворцовые площади, где солнце сушит фонтаны, и монастырские дворы, где тени ходят вокруг столбов.

Имперское войско расположилось в предместье. А вон там, внизу, гарцует кавалерист. Абрахаму Кнупферу хорошо видны и его треуголка, и красного гаруса шнур, и кокарда, и перевязь, и вплетенная в косицу лента.

Еще он видит, как в парке, под султанами исполинских ветвей, собрались на широких изумрудных лужайках стрелки и палат из своих аркебуз в деревянную птицу на верхушке майского шеста.

А вечером, когда, сложив руки крестом, заснул гулкий неф собора, увидал со своих подмостей каменщик, как далеко, на горизонте, запылала, словно комета в лазурном поле, подожженная солдатами деревушка.

¹ Музыкальный инструмент.

² В эпиграфе дан перевод цитаты из Шиллера с французского, как она приведена Бертраном.

³ Во французском фольклоре чудовища, напоминавшие драконов или крокодилов. Водостокам иногда придавали форму пасти тараска.

III

Лейденский школяр

Никакие предосторожности не чрезмерны в наши времена, особенно с тех пор, как в сих местах обосновались фальшивомонетки.

«Osage Berg-op-Цооми»

Он сидит в кресле, обитом утрехтским бархатом,— мессир Блазиус,— и подбородок его, утопающий в брыжах из тонких кружев, напоминает птицу на фаянсовом блюде, которую поджарил повар.

Он сидит у конторки, считая полуфлорины, а я, бедный лейденский школяр, в жалкой шапчонке и продранных штанах, стою перед ним, поджав ногу, словно журавль на шесте.

А вот и весы, они выползают из лакового ларца с диковинными китайскими фигурками, точно паук, который, сложив свои длинные ноги, таился в тюльпане, отливающим тысячею оттенков.

Глядя на вытянутое лицо ростовщика, на его высохшие пальцы, которые дрожат, когда он спускает свору золотых, можно подумать, что это воришка, пойманный с поличным, который должен теперь, когда у горла пистолет, отдать господу то, что нажил с помощью дьявола.

Мой флорин, который ты недоверчиво рассматриваешь в лупу, не подозрительнее и не грязнее твоё маленького пасмурного глаза, который тлеет, как не до конца потушенная плошка.

Весы уложены в лаковый ларец, украшенный блестящими китайскими фигурками, мессир Блазиус привстал в своем кресле, обитом утрехтским бархатом, а я, кланяясь до земли, выхожу, пятясь задом, бедный лейденский школяр в дырявых чулках и рваных башмаках.

XIV

Фат

Это был хвастун и фат.

Из стихов Скаррона¹

Мои длинные закрученные торчком усы напоминают хвосты тараска, бельё мое свежо, как трактирная скатерть, а камзол — не дряхлей королевских шпалер.

Ужели можно представить себе, глядя на мой щегольской наряд, что голод, обосновавшийся у меня в животе, затягивает — о, подлый палач! — веревку, которая удавит меня, словно висельника.

Ах, если б вон из того окна, откуда сеется свет, упала б на край моей шляпы какая-нибудь жареная пичужка, а не этот увядший цветок!

Королевская площадь нынче вечером вся в огнях, светло на ней, как в церкви! — А ну с дороги! — Лимонаду холодного! — Печенья миндального! — Дай-ка, малыш, попробоваться чуточку вот этой снеди! Черт побери, ну и пресна же твоя первоапрельская утка!

¹ Скаррон Поль (1610—1660) — французский романист, поэт и драматург.

Да не Марион ли то Делорм¹ под руку с герцогом де Лонгвилем? Она конечно, и следом три ее болонки. Ах, глаза у юной сей куртизанки что брильянты! А нос у старого куртизана — ну прямо в рубинах!

И фат, подбочась, важно вышагивает среди гуляющих, расталкивая кавалеров, но улыбаясь дамам. Ему не на что было пообедать сегодня — ведь он купил букетик фиалок.

XXI

Скарбо

Уготовь мне, господи, к часу моей кончины
молитву пастыря, полотняный саван, еловый
гроб и сухую могилу.

Молитва господина Марешаля

— Отойдешь ты прощенным или осужденным, — прошептал мне Скарбо прошлой ночью, — все равно будет саваном тебе паутина, и я погребу в ней паучиху вместе с тобой.

— Пусть бы саваном стал, — отвечал я ему с покрасневшими от слез глазами, — осиновый листик, и чтоб дыхание озера убаюкивало в нем меня.

— Нет, — кривлялся и скалился карлик, — сжует тебя вечером жук, который охотится за мошкаркой, ослепленной закатным солнцем.

— Значит, тебе бы хотелось, — говорил я, заливаясь слезами, — значит, тебе бы хотелось, чтоб тарантул сосал мою кровь слоновьим своим хоботком?

— Ладно, утешься — саваном тебе будут полоски змеиной кожи с золотыми пятнышками, и я, словно мумию, запеленаю тебя.

В гемном склепе Сен-Бенина², где я стоймя прислоню тебя у стены, ты услышишь — будет времени вдоволь, — как малые дети рыдают в преддверии рая.

XXII

Помешанный

Каролус! — кое для кого
Милей барашком звать его.

Рукопись Королевской библиотеки

Луна расчесывала свои волосы эбеновым гребнем, и он серебрил дождем светлячков холмы, дуга и леса.

Гном Скарбо, чьи сокровища неисчислимы, рассыпал под скрипение флюгера на моей крыше дукаты и флорины, и фальшивые эти монеты мерно подпрыгивая, устилали всю улицу.

Как ухмылялся помешанный который шатается каждую ночь по опустелому городу; один глаз глядит на луну, а другой — пустой.

— Провались ты, луна! — брюзжал он, собирая дьяволовы же-

¹ Марион Делорм (1611—1650) — знаменитая куртизанка, в числе любовников которой называли Ришпелье и Людовика XIII.

² Сен-Бенин — кафедральный собор в Дижоне.

тоны.— Куплю-ка я себе позорный столб, будет где погреться на солнышке.

Но во всем была виновата луна, луна, которая уже заходила, и Скарбо, таясь в моем погребке, выбивал глухими ударами чекана дукаты и флорины.

А по освещенным стеклам моего окна блуждала всю ночь, отыскивая дорогу, улитка, выставляя вперед свои рожки.

XXVIII

Ундина

...казалось, чую
Напев неведомый, и, сон лаская мой,
Тот голос набегал печальной волной,
Я с робким шепотом сравнил бы
песнь такую.

Ш. Брюньо. «Два гения»¹

«Послушай, послушай! — это я, Ундина, я брызнула несколько капель воды на звонкие ромбы твоего окна, озаренные блеклым сияньем луны,— и вот уже владелица замка выходит в шелковом платье на балкон насладиться дивною звездною ночью и красотою уснувшего озера.

Каждый всплеск — это маленький водяной, резвящийся в потоке, и каждый поток змеится к моему дворцу, а мой зыбкий дворец воздвигнут в озерной глубли, в трегранье земли, воздуха и огня.

Послушай, послушай! — отец мой хлестнет зеленою веткой ольхи по квакающей воде,— и мои сестры начинают ласкать белопенными руками влажные островки кувшинок, шпажника и трав или потешаться над бородатым дряхлым вязом, склонившимся с удочкой над водой».

Прожурчав свою песню, Ундина принялась упрашивать меня, чтоб позволил надеть мне на палец кольцо. чтобы стал ее мужем и владыкой озер, чтоб отправился с нею в подводный дворец.

Но когда я ответил, что люблю сумасбродную, вздорную смертную деву, уронила Ундина немного слезинок и вдруг рассмеявшись, растеклась белыми струями по лазоревым стеклам окна.

XLI

Эрикес

Хорошо знаю: суждено мне быть либо
повешену, либо женату.

Lope de Vega

— Вот уже год, как вы под моим началом,— сказал атаман.— Пусть другой меня сменит. Я женюсь на богатой вдове из Кордовы и ради жезла коррехидора расстанусь с кинжалом разбойника.

¹ Брюньо Шарль (1798—1831) — поэт переводчик (в частности. «Похвалы глупости» Эразма Роттердамского).

И он открыл сундук: полно было добра для дележа. Чего там не перемешалось: церковные чаши, драгоценные вещи, золотые монеты, целый ливень жемчужин и поток бриллиантов.

— А тебе, Энрикес, этот перстень и серьги маркиза д'Арока. Ведь ты ж застрелил его из карабина, когда он ехал в почтовой карете.

Энрикес насадил на палец окровавленный топаз и повесил к ушам аметисты, напоминавшие капельки крови.

Эти серьги, что когда-то украшали герцогиню Медина-Сели — такова уж была их участь — отдал Энрикес спустя месяц за один поцелуй дочке тюремного стража.

Этим перстнем, что был куплен неким идальго у эмира по цене белоснежной кобылицы — такова уж была его участь, — заплатил Энрикес за стаканчик водки, перед тем как затянули на его шее петлю.

XLVIII

Волшебная песня Жеана де Витто

Несомненно, это какой-то скоморох из Эвре, или один из братства Беззаботных Деток города Парижа¹, или менестрель, который поет на лангедокском наречии.

Фердинанд Лангле².

«Притча о прекрасномудрой Даме».

Зеленая густая листва. Клирик Веселой науки³, странствующий с сулеей и скрипичей, и рыцарь с таким огромным мечом, что им вপুরо разрубить надвое Монлерийскую башню.

Рыцарь. Постой, вассал, давай-ка сюда твою баклагу, а то у меня все горло пересохло.

Музыкант. К вашим услугам, да только отпейте не больше глоточка, винцо-то нынче дорогое.

Рыцарь (*скрививши лицо, но допивая до дна*). Ну и кислятина твоё вино. Стоило бы разбить эту баклагу о твою башку.

Клирик Веселой науки, не говоря ни слова, провел смычком по струнам и заиграл волшебную песню Жеана де Витто.

Эта песня развязала бы ноги параличному. Вот и рыцарь уже заплясал на лужайке, вскинув меч на плечо, как солдат алебарду, когда идет на войну!

— Пощади, колдун, — взмолился рыцарь, задыхаясь, но продолжая плясать.

— Нет уж, сперва заплатите за винцо, — ухмыльнулся музыкант. — Выкладывайте-ка золотых барашков, не то пойдете у меня отпоясывать по долам и городам бургундским турнирным шагом.

— Держи, — сказал рыцарь, порывшись в кошеле и отвязывая коня, поводья которого были намотаны на ветку дуба. — Держи, и удави меня дьявол, ежели я хоть раз отхлебну из фляги холопа.

¹ Так называла себя одна группа комедиантов в конце XV века.

² Лангле Фердинанд (1798—1867) — французский драматург, поэт; издал несколько книг, посвященных старофранцузскому фольклору.

³ «Веселой наукой» в средние века называли творчество бродячих поэтов, музыкантов, жонглеров.